

Обломов

Обломов Илья Ильич — главный герой романа, молодой человек «лет тридцати двух–трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица... мягкость была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки». Таким читатель застаёт героя в начале романа, в Петербурге, на Гороховой улице, где он живет со своим слугой Захаром.

С образом Обломова связана основная идея романа, о которой писал Н. Добролюбов: «...Не бог весть какая важная история. Но в ней отразилась русская жизнь, в ней предстает перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный с беспощадной строгостью и правильностью, в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это — обломовщина, мы видим нечто более, нежели просто удачное создание сильного таланта; мы находим в нем... знамение времени».

Добролюбов был первым, кто причислил Обломова к «лишним людям», ведя его родословную от Онегина, Печорина, Бельтова. Каждый из названных героев по-своему полно и рельефно характеризовал определенное десятилетие русской жизни. Обломов — символ 1850-х, «послебельтовских» времен в русской жизни и русской литературе. В личности Обломова, в его склонности к бездеятельному наблюдению пороков доставшейся ему эпохи мы отчетливо различаем принципиально новый тип, введенный Гончаровым в литературно-общественный обиход. Тип этот олицетворяет философское ничегонеделанье, осознанное отчуждение от окружающей среды, которую отвергают душа и ум молодого провинциала, попавшего из сонной Обломовки в столицу.

«Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? — объясняет Обломов свое мировоззрение другу детства Андрею Штольцу. — Ты посмотри, где центр, около которого вращается это все: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены совета и общества! Что водит их в жизни? Ведь они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку?.. Под этой всеобъемностью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему!.. Нет, это не жизнь, а искажение нормы, идеала жизни, который указала природа целью человеку».

Природа же, по Обломову, указала единственную цель: жизнь, как она от века протекала в Обломовке, где боялись новостей, традиции соблюдали строго, книги и газеты не признавали вовсе. Из «Сна Обломова», названного автором «увертюрой» и опубликованного значительно раньше романа, а также из отдельных, разбросанных по всему тексту штрихов, читатель узнает достаточно полно о детстве и юности героя, проведенных среди людей, понимавших жизнь «не иначе, как идеалом покоя и бездействия, нарушаемого по временам разными неприятными случайностями... труд сносили как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным».

Гончаров изобразил трагедию русского характера, лишенного романтических черт и не окрашенного демонической мрачностью, но тем не менее оказавшегося на обочине жизни — по вине собственной и по вине общества, в котором не нашлось места обломовым. Не имеющий предшественников, этот тип так и остался уникальным.

В образе Обломова присутствуют также автобиографические черты. В путевом дневнике «Фрегат «Паллада» Гончаров признается, что во время путешествия охотнее всего лежал в каюте, не говоря уже о том, с каким трудом вообще решился на кругосвет-

ное плавание. В дружеском кругу Майковых, нежно любивших писателя, у Гончарова нашлось многозначное прозвище — «принц де Лень».

Путь Обломова — типичный путь провинциальных российских дворян 1840-х, приезжавших в столицу и оказывавшихся не у дел. Служба в департаменте с непременным ожиданием повышения, из года в год однообразие жалоб, прошений, завязывания отношений со столоначальниками — это оказалось не по силам Обломову, который предпочел передвижению по лестнице «карьеры» и «фортуны» лежание на диване, никакими надеждами и мечтами не окрашенное.

В Обломове дремлет та мечтательность, что рвалась наружу в Александре Адуеве, герое гончаровской «Обыкновенной истории». В душе Обломов тоже лирик, человек, умеющий глубоко чувствовать — его восприятие музыки, погружение в пленительные звуки арии «Casta diva» свидетельствуют о том, что не одна только «голубиная кротость», но и страсти ему доступны.

Каждая встреча с другом детства Андреем Штольцем, полной противоположностью Обломова, способна всколыхнуть его, но ненадолго: решимость что-то предпринять, как-то обустроить свою жизнь овладевает им на короткое время, пока Штольц рядом с ним. А у Штольца недостает ни времени, ни упорства «вести» Обломова от поступка к поступку — находятся другие, кто в корыстных целях готов не отходить от Ильи Ильича. Они в конечном счете и определяют русло, по которому протекает его жизнь.

Встреча с Ольгой Ильинской на время изменила Обломова до неузнаваемости: под влиянием сильного чувства с ним происходят невероятные превращения — заброшен засаленный халат, Обломов встает с постели, как только просыпается, читает книги, просматривает газеты, энергичен и деятелен, а переехав на дачу поблизости от Ольги, по нескольку раз в день отправляется на встречи с ней. «...В нем появлялась лихорадка жизни, сил, деятельности, и тень исчезала... и симпатия была опять сильным и ясным ключом. Но все эти заботы не выходили пока из магического круга любви; деятельность его была отрицательная: он не спит, читает, иногда подумывает писать и план (благоустройства имения), много ходит, много ездит. Дальнейшее же направление, самая мысль жизни, дело — остается еще в намерениях».

Любовь, несущая в себе потребность действия, самосовершенствования, в случае Обломова обречена. Ему нужно другое чувство, что связало бы сегодняшнюю реальность с давними детскими впечатлениями о жизни в родной Обломовке, где от существования, наполненного тревогами и волнениями, отгораживаются любыми средствами, где смысл жизни укладывается в мысли о еде, сне, приеме гостей и переживания сказок как действительных событий. Любое иное чувство кажется насилием над природой.

Не осознавая этого до конца, Обломов понимает, к чему нельзя стремиться именно в силу определенного склада своей натуры. В письме к Ольге, написанном почти на пороге решения о женитьбе, он говорит о страхе будущей боли, пишет горько и пронзительно: «А что будет, когда я привяжусь... когда видеться — сделается не роскошью жизни, а необходимостью, когда любовь вопьется в сердце? Как оторваться тогда? Переживешь ли эту боль? Худо будет мне».

Агафья Матвеевна Пшеницына, хозяйка квартиры, которую нашел для Обломова его земляк, проходимец Тарантьев, — идеал обломовщины в самом широком значении этого понятия. Она так же «природна», как и Обломов. О Пшеницыной можно сказать теми же словами, какими говорит Ольге об Обломове Штольц: «...Честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, охлаждался, заснул, наконец, убитый, разочарованный, потеряв силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало, они редки; это перлы в толпе!»

Черты, сблизившие Обломова с Пшеницыной, указаны здесь точно. Илье Ильичу необходимо более всего чувство заботы, теплоты, ничего не требующих взамен, потому

и привязался он к своей хозяйке, как к осуществленной мечте о возвращении в благословенные времена счастливого, сытого и безмятежного детства. С Агафьей Матвеевной не связаны, как с Ольгой, мысли о необходимости что бы то ни было предпринимать, как-то изменять жизнь вокруг и в себе самом. Свой идеал Обломов объясняет Штольцу просто, сравнивая Ильинскую с Агафьей Матвеевной: «...Она поет “Casta diva”, а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает!» А потому, осознав твердо и ясно, что больше стремиться ему некуда, просит Штольца: «Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спасешь, не составишь две разорванные половины. Я прирос к этой яме больным местом: попробуй оторвать — будет смерть».

В доме Пшеницыной читатель видит Обломова все более и более воспринимающего «настоящий свой быт, как продолжение того же обломовского существования, только с другим колоритом местности и отчасти времени. И здесь, как в Обломовке, ему удалось дешево отделяться от жизни, выторговать у ней и застраховать себе невозмутимый покой».

Спустя пять лет после этой встречи со Штольцем, вновь произнесшим свой жестокий приговор: «обломовщина!» — и оставившим Обломова в покое, Илья Ильич «скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести». Сына Обломова, рожденного Агафьей Матвеевной и названного в честь друга Андреем, забирают на воспитание Штольцы.